

В связи с тем значением, которое Вирт придает экспертам, он включает в новое издание парафразу Фотия (63 кодекс «Библиотеки») (т. IV, стр. 391—405), — к сожалению, не сличив свое издание с текстом «Библиотеки», изданным в 1959 г. Р. Анри³.

Рецензируемое издание состоит из четырех томов: первые два охватывают «Войны», третий занимает «Тайная история», четвертый — «О постройках». Пагинация Хаури сохранена. В IV т. воспроизведен также индекс, составленный Хаури (стр. 187—390), хотя Вирт пишет в предисловии, что в этом индексе содержится немало погрешностей.

Из всего этого видно, что Вирт не собирается ограничиться поправками к изданию Хаури, но намеревается подготовить иное — отличное от тейбнеровского — издание сочинений Прокочия.

А. К.

НОВОЕ О ВИЗАНТИЙСКОМ ГОРОДЕ

H.-G. BECK. KONSTANTINOPEL. ZUR SOZIALGESCHICHTE EINER FRÜH-MITTELALTERLICHEN HAUPTSTADT.

«Byzantinische Zeitschrift», Bd. 58, 1965, S. 11—45.

A. KRIESIS. GREEK TOWN BILDING.

Athens, 1965, pp. VIII+226.

S. VRYONIS. BYZANTINE Δημοκρατία AND THE GUILDS IN THE ELEVENTH CENTURY. «Dumbarton Oaks Papers», XVII, 1963, pp. 287—314.

E. FRANCÈS. LA DISPARITION DES CORPORATIONS BYZANTINES. — «Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines», t. II. Beograd, 1964, pp. 93—101.

О Константинополе писали много — преимущественно о его памятниках, топографии¹ и численности жителей². Тема статьи Г.-Г. Бека — социальный состав населения и социальная психология — новая в византийстике. Проблема чрезвычайно широка и заслуживает специальной монографии: автор ограничивает себя лишь хронологически (временем до конца XI в., до прихода Комнинов к власти), и в ряде случаев интересные и многообещающие положения остаются нераскрытыми тезисами.

Население Константинополя Бек разделяет на три группы: господствующий класс, средние слои и народные массы. Внутри господствующего класса он в свою очередь выделяет несколько прослоек. Одна из них — родовитая знать (стр. 18 и сл.): впрочем, Бек подчеркивает, что родовитая аристократия была связана с провинцией и почти не участвовала в центральном административном аппарате³. Следовательно,

³ Photius. Bibliothèque, vol. I. Paris, 1959, p. 64—76.

¹ Основная работа: R. Janin. Constantinople byzantine². Paris, 1964. Ср. также idem. Les églises et les monastères de Constantinople. Paris. 1953. Проблемы топографии существенны и для выяснения социальной истории Константинополя: Бек, в частности, затрагивает, ссылаясь на работу А. П. Дьяконова, вопрос о локализации димов, поддерживавших «голубых» и «зеленых» (стр. 36, прим. 73; см., однако, критический разбор «квартальной» теории Дьяконова — М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV века. — УЗ Уральского ун-та, 11, 1952, стр. 93—98). Другой важный для социологии топографический вопрос — о расположении ремесленных эргастриев: концентрировались ли они в загородных районах (М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов. — ВВ, XI, 1956, стр. 66 и сл.) или же в центре. — Бек не затрагивает. Большого внимания заслуживает еще один топографический вопрос — о расположении полей и садов в пределах Константинополя: согласно Беку (стр. 21), они были лишь в пределах «Феодосиева города», т. е. за стенами Константина, — однако поля и сады церкви св. апостолов, описанные Николаем Месаритом, находились, видимо, внутри этих стен.

² Бек (стр. 12 и сл.) принимает умеренные цифры Д. Якоби (D. Jacoby. La population de Constantinople à l'époque byzantine. — Вуз., 31, 1961), считая, что население Константинополя не превышало полумиллиона. Думаю, что и эти цифры могут быть несколько снижены (см. мою рецензию на Якоби: ВИ, 1962, № 5, стр. 191 и сл.).

³ Легко можно убедиться, например, что в X в. высшие командные посты в армии находились в руках провинциальной знати, тогда как флотом командовали по преимуществу выходцы из неаристократических фамилий.

она практически не относится к социальной истории Константинополя. Бек полагает, что византийская родовитая знать вела свое происхождение от магнатов III — IV вв. — это по меньшей мере спорно: знатные фамилии Склиров, Дук, Фок, Аргиров появляются лишь с конца IX в. и еще Василий II возмущался влиянием аристократов, чьи предки несколько десятков лет занимали господствующее положение⁴ — о более длительном сроке ему не приходится в голову говорить.

Вопрос о существовании «наследственной сенаторской знати» (стр. 19 и сл.) представляется мне тоже не бесспорным — во всяком случае, для собственно византийского (не позднеримского) периода — сам Бек справедливо пишет, что сенат (синклит) сошел с высшей чиновной знатью, которую он отнюдь не считает наследственной⁵.

Анализ специфики положения византийской чиновной знати — ее социальной нестабильности, постоянного передвижения отдельных фамилий по «социальным вертикалям» (стр. 13 и сл.) — составляет одно из интереснейших положений статьи Бека. Нестабильности чиновной знати соответствовала и нестабильность императорской власти: за тысячу лет в Германской империи сменилось около 50 королей, происходивших из 5—10 фамилий, — в Византии же — около ста василевсов, принадлежавших к 30 фамилиям. Только после 1081 г. в Византии упрочивается династический принцип. (К этому следовало бы добавить, что Византия, строго говоря, не знала принципа наследственности императорской власти.)

Разграничение разных слоев господствующего класса остается у Бека недостаточно четким, поскольку он не ставит вопроса о различии экономического положения родовитой аристократии и чиновной знати. Вправе ли мы сказать, что первая жила главным образом за счет феодальной ренты [надо отметить, что Бек не боится термина «феодальное землевладение» (стр. 39, ср. стр. 21)], вторая же — питалась императорскими щедротами, вымогательствами (взятками и пр.) и доходами от ремесла и торговли? Положение это, если оно верно, существенно для социальной характеристики константинопольских верхов, которые Бек — по моему, убедительно — считает невозможным называть «патрициатом» (стр. 20).

К средним слоям Бек причисляет землевладельцев — *κτῆτορες*, верхушку торговцев и ремесленников, «литераторов» (т. е. ораторов, учителей, служащих императорских и церковных канцелярий) (стр. 21—24). В этой же связи Бек рассматривает положение клириков и монахов. В разделе о духовенстве особенно существенны два момента: Бек показывает, что мировоззрение византийских клириков отнюдь не было клерикальным (стр. 25 и сл.) и что византийское монашество ни в экономическом, ни в идейном плане не было столь влиятельным, как это обычно полагают (стр. 29 и сл.)⁶. Впрочем, византийское духовенство не составляло единой социальной группы [сам Бек очень интересно трактует вопрос о сохранении «крупным сеньором» в киноивы привычных ему общественных порядков (стр. 30)] — поэтому, может быть, целесообразнее было бы рассматривать его как гетерогенную структуру, а не как единую прослойку.

Переходя к положению народных масс, Бек прежде всего подчеркивает ограниченные масштабы использования рабского труда⁷. Мелкие ремесленники и торговцы были по преимуществу свободными (стр. 34) — Впрочем, мне кажется, что не следует недооценивать и значение принудительного труда в государственных мастерских: очень яркую картину работы на императорском монетном дворе, где люди трудились день и ночь под бичами надсмотрщиков, сохранил Месарит. Весьма интересны соображения Бека о роли государственного контроля над торговлей и ремеслом: сперва в условиях «городского хозяйства» он был прогрессивным, но в новых хозяйственных условиях XI в. привел к упадку производства⁸.

Бек указывает на подвижность, возбудимость константинопольских масс как на характерную черту их социальной психологии (стр. 34)⁹. При этом он предполагает,

⁴ Ср. А. П. К а ж д а н. Крестьянские движения в Византии X в. и аграрная политика императоров Македонской династии. — ВВ, V, 1952, стр. 84.

⁵ Очень правильно подчеркивает Бек значение синклита (см. теперь подробнее: Н.-Г. В е с к. *Senat und Volk von Konstantinopel*. München, 1966). Этот тезис можно еще усилить: в критические моменты (напр., в 963 г., в малолетство сыновей Романа II) синклит из совета при императоре превращается в самостоятельный политический орган.

⁶ См. об этом специально: Н.-Г. В е с к. *Kirche und Klerus im staatlichen Leben von Byzanz*. — REB, 24, 1966.

⁷ О византийском рабстве см. Н. К ö p s t e i n. *Zur Sklaverei im ausgehenden Byzanz*. Berlin, 1966.

⁸ Эта диалектически противоречивая роль государственного контроля за ремесленным производством была отмечена и мною: А. П. К а ж д а н. *Деревня и город в Византии IX—X вв.* М., 1960, стр. 344 и сл.

⁹ К тому же выводу независимо от Бека пришел и М. Я. Сюзюмов (О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе. — «Античная древность и средние века», вып. 3. Свердловск, 1965, стр. 11).

что политическая активность их уменьшается после прихода Комнинов к власти (стр. 42), что связано, с одной стороны, с умелой политикой императоров XI в., вовлекавших «выдающихся демагогов» в ряды господствующего класса, с другой же — с экономическим спадом Константинополя (стр. 44 и сл.).

Таким образом, Бек считает, что в экономической и социальной жизни Константинополя в XI в. произошли серьезные перемены.

* * *

Работа греческого архитектора А. Криезиса посвящена эволюции города в античной Элладе и в Византии; к нашей тематике относится ее вторая часть (стр. 111—215). Книга эта довольно поверхностна, изобилует цитатами из авторитетов и общими фразами. Так, весь раздел о производстве (стр. 178—181) сводится к рассуждениям об искусстве умелых ремесленников и о тоталитарной организации византийской промышленности. Сопоставление с соответствующим разделом статьи Бека, видящего диалектически противоречивое воздействие Византийского государства на торговлю и ремесло, показывает, насколько далек Криезис от социально-экономической проблематики.

Однако то, что составляет его прямую специальность — планировка города, характер улиц, площадей, зданий — может оказаться небесплозным для византиниста. Подчеркивая сохранение античных традиций, Криезис не отрицает и появления новых черт в византийском градостроительстве: вместо античного города с его отчетливо выраженным центром создается город, распадающийся на мелкие районы — церковные приходы (стр. 148); рядом с сохраняющимися античным типом жилого дома появляется новый тип укрепленного жилища (стр. 185 и сл.). В книге много планов и фотографий.

* * *

Американский историк С. Врионис посвятил свою статью политической роли константинопольских корпораций, их участию в политической борьбе. По его мнению, после подавления к началу VIII в. активности цирковых партий корпорации оставались единственной (помимо церкви) организацией, способной выразить недовольство широких масс (стр. 302). Правда, в IX—X вв. их политическая роль оставалась сравнительно небольшой (стр. 314), хотя и в то время они располагали необходимыми возможностями для выражения своих требований (стр. 301) — в частности, благодаря тому, что располагались в административном и торговом сердце Константинополя (стр. 299). В XI в. Византия была охвачена ожесточенной борьбой двух группировок: «гражданских бюрократов» и «провинциальных феодальных генералов» (стр. 302) — говоря иными словами, служилой столичной знати и военной знати провинций. Обе эти группировки искали поддержки корпораций, признавая их важной политической силой (стр. 308, 312). Врионис подробно рассматривает выступления константинопольских корпораций в 1042 г., а также ряд выступлений в 1057—1081 гг. Он подчеркивает, что политическая активность торгово-ремесленных корпораций была свойственна Византии, так же как и средневековым государствам Западной Европы и мусульманского мира.

Вполне вероятно, что в XI в. городские движения действительно становятся более активными и что корпорации начинают играть большую роль, чем прежде. Врионис склонен объяснять это напряженностью политической обстановки XI столетия (стр. 314). Бесспорно, политическая борьба в середине XI в. протекала весьма ожесточенно — но кто может поручиться, что она была менее ожесточенной во времена фотиянских споров, или споров о четвертом браке Льва VI, или соперничества Вринги и Никифора Фоки? И если это соображение справедливо, не следует ли признать, что активизация политической роли корпораций в какой-то мере связана с упрочением позиций свободного ремесла и торговли в XI в.? Кстати сказать, Лев Диакон (Leo Diac., p. 146 sq.) приводит чрезвычайно любопытное свидетельство: во время дворцового заговора против Иоанна Цимисхия заговорщики стремились привлечь на свою сторону начальника *императорской* гнацкой мастерской вместе со всей его «корпорацией»¹⁰. По-видимому, в X в. именно императорские корпорации рассматривались как политическая сила, тогда как свободные коллегии еще только пробивали себе дорогу.

Далее, в изображении Вриониса константинопольские ремесленники и торговцы XI в. выступают как послушные пешки в руках двух борющихся за власть группировок: у них нет своей программы, и им безразлично, кого поддерживать — гражданскую знать или «милитаристов». Вряд ли так обстояло дело в действительности. Без-

¹⁰ Весьма примечательно, что на рубеже XII и XIII вв. в константинопольских возмущениях снова активную роль играют работники государственных мастерских и в частности — монетного двора (A. Heisenberg, Nikolaos Mesarites. Die Palastrevolution des Johannes Komnenos. Würzburg, 1907, S. 25 f.).

жалостная расправа Алексея I Комнина с жителями Константинополя в 1081 г. достаточно отчетливо выразила отношение феодальной аристократии к столичным корпорациям. За этим последовало постановление Алексея о клятве, которое (правда, в иной связи) специально анализирует Врионис и которое, по сути дела, превращало членов корпорации в неполноправное сословие. Ограничение при Мануиле I прав торгово-ремесленных кругов на покупку земли (F. Dölger. Regesten, II, № 1333, 1398) — еще один этап в формировании сословных привилегий дворянства. Феодальные круги провинций в конце XI в. не столько заигрывали с корпорациями, сколько стремились подчинить их и ограничить их влияние.

* * *

Это обстоятельство, ускользнувшее от внимания Вриониса, отметил в докладе на XII Международном конгрессе византистов румынский исследователь Э. Франчес. Он полагает, что период процветания корпораций связан с господством «бюрократической аристократии» под властью Македонской династии, тогда как Комнины, действовавшие в интересах феодальной знати, опирались на иноземных купцов и провинциальные города (стр. 94—97). В этих условиях константинопольские цехи исчезают — в XII в. они больше не упоминаются (стр. 98).

В пользу гипотезы Франчеса я хотел бы привести еще один аргумент. Николай Мефонский, писатель XII в., сказал как-то, что византийцы не прикрепляют человека, который владеет каким-то знанием или ремеслом (τέχνης εἰδήμονα), к определенному месту или делу (ἐνὶ τινὶ τόπῳ ἢ πράγματι), чтобы он занимался там своим ремеслом¹¹, мне кажется, что тезис Николая Мефонского не совместим с принципами корпоративной организации ремесла.

А если Франчес прав и константинопольские коллегии, действительно, исчезли к середине XII в., то социальный смысл политики Комнинов, направленной против столичных торгово-ремесленных кругов, обнаруживается еще более ясно. Скорее всего и в XI в. «провинциальные феодальные генералы» Вриониса были противниками корпораций.

А. К.

P. LEMERLE. L'ORTHODOXIE BYZANTINE ET L'OECUMÉNISME MÉDIÉVAL: LES ORIGINES DU «SCHISME» DES ÉGLISES.—

«Bulletin de l'association Guillaume Budé»
(«Revue de culture générale»), IVme sér., 1965, № 2, p. 228—246.

Доклад П. Лемерля, прочитанный 10 марта 1965 г. в Парижском институте искусства и археологии, посвящен одному из центральных вопросов византийской истории — разделению церквей. Это — не исследование источников, не тщательное рассмотрение деталей, но общий очерк, общая характеристика событий, попытка переосмотреть и переоценить их. В этом и интерес статьи (не секрет, что в византистике такой жанр не пользуется успехом и ведущие византиноведы редко к нему обращаются) и вместе с тем недостаток, ибо неминуемая краткость изложения вынуждает автора проходить мимо любопытных частностей, подтверждающих или уточняющих его главные тезисы.

Основные тенденции работы — две. Во-первых, Лемерль настоятельно подчеркивает политическое содержание церковного конфликта. Проследившая взаимоотношения Константинополя и Рима, начиная с IV в., исследователь постоянно говорит о том, что истинным двигателем противоречий были политические столкновения. «Истинная причина была политической» (стр. 238), «для Константинополя вопрос был политическим» (стр. 239), «объяснение носит политический характер» (стр. 244), — не устают повторять он, и именно это обстоятельство выделяет он в первую очередь в заключение (стр. 245).

Во-вторых, он выступает против католической тенденции, склонной винить в расколе византийцев. Он защищает Фотия — следуя в этом отношении за Ф. Дворником — от фальсификаций римской церкви (стр. 239), он называет обвинения кардинала Гумберта «памятником ошибки» (стр. 240), он говорит о пренебрежении крестоносцев-завоевателей обычаями и верованиями греков (стр. 244).

Думаю, что обе эти тенденции обоснованны, хотя, может быть, в них следовало бы внести некоторые коррективы. Разумеется, вопрос о расколе — это прежде всего политический вопрос, и соперничество церквей — политическое соперничество. И все-таки можно ли, говоря об истории религии, начисто отказаться от идеологической стороны проблемы? Как известно, в ходе спора на первый план выдвигались

¹¹ A. Demetrasopolus. Bibliotheca ecclesiastica continens graecorum theologorum opera, t. I. Lipsiae, 1866, p. 279. 12—14.